

Наши публикации

ФОЛКНЕР ПОТЕРЯННЫЙ И ОБРЕТЕННЫЙ

Редакция уже получила верстку номера журнала с окончанием романа Уильяма Фолкнера «Шум и ярость», когда американский литературный еженедельник «Нью-Йорк таймс бук ревью» сообщил о том, что недавно, спустя сорок лет после его написания, удалось вновь «обрести» полный текст предисловия Фолкнера к его любимому творению — роману «Шум и ярость».

Публикуя текст предисловия, еженедельник препослал ему вступление Джеймса Б. Мэриуэтера, профессора университета Южной Каролины, которому Фолкнер в 1957 году поручил разбор и опись своих бумаг.

Мэриуэтер сообщает, что Фолкнер был недоволен первым, 1929 года, изданием романа, которое не отвечало задуманной автором типографской форме его подачи (так, не осуществился замысел Фолкнера — для прояснения книги выделить в первой части разные временные слои разными красками). В 1933 году американское издательство «Рэнгом хауз» решило переиздать роман и предложило Фолкнеру написать к нему предисловие. Предполагалось, что книга выйдет всего в пятистах экземплярах, каждый из которых будет собственноручно подписан автором. Фолкнер выполнил просьбу издательства, но книга не вышла, видимо, из-за экономического кризиса.

В 1946 году «Рэнгом хауз» предприняло новое издание и обратилось к автору с просьбой восстановить потерянное к тому времени предисловие. Фолкнер ответил отказом. В письме к Каули он сослался на то, что «не умеет писать предисловий... Надеюсь, что уже написанное мной предисловие не отыщется». Однако предисловие отыскалось и было послано ему на просмотр перед публикацией. Очевидно, Фолкнер не пожелал, чтобы оно было напечатано, так как книга вышла без этого предисловия.

С тех пор оно было утрачено для критиков и биографов и обнаружилось лишь в 1957 году, когда опись и исследование архива Фолкнера позволили установить год написания и назначение четырех машинописных листков, которым явно не хватало первой страницы. Эта недостающая страница была найдена недавно в доме Фолкнера (г. Оксфорд, штат Миссисипи), в шкатулке, обнаруженной в чулане. По мнению Мэриуэтера, Фолкнер, видимо, забыл об ее существовании.

Писатель не раз говорил, что роман «Шум и ярость» — самое дорогое его сердцу произведение. Мэриуэтер считает, что в предисловии к нему Фолкнер ближе всего подошел к раскрытию причин такого предпочтения. В 1933 году в письме к издателю Фолкнер писал, что работал над предисловием много — почти «как над стихотворением». Писатель, несомненно, сознавал, что в этом небольшом по объему литературном документе раскрывает читателю свою душу художника, чего он впоследствии, как пишет Мэриуэтер, уже не позволял себе.

Прошли годы, и Фолкнер пересмотрел многие оценки своих книг, высказанные в этом предисловии, но его отношение к роману «Шум и ярость» осталось неизменным.

Редакция предлагает вновь обретенное предисловие вниманию читателей журнала, только что познакомившихся с русским переводом романа «Шум и ярость», полагая, что этот волнующий своей искренностью человеческий документ представляет не только чисто академический интерес.

Предисловие Фолкнера к неосуществленному изданию романа «Шум и ярость» (1933)

То́ка я писал эту книгу, я научился читать. Писать-то я немного научился, работая над «Солдатской наградой»,— научился подходить к языку, к словам не столько с серьезностью, с какой подходит эссеист, сколько с почтительной настороженностью, как к динамиту; даже с радостью, как к женщине,— быть может, с тем же нечистым тайным умыслом. Но когда я кончил «Шум и ярость», мне стало ясно, что на свете и впрямь существует нечто, к чему истертое слово «искусство» не только приложимо, но и должно прилагаться. Я обнаружил тогда, что все, ранее мной прочтенное, от Генри Джеймса до Хенти и газетных отчетов об убийствах, было читано мотыльковым или козьим манером — без разбора и без подлинного усвоения. После «Шума и ярости», еще прежде, чем я удосужился раскрыть какую-либо книгу, до меня чередой запоздалых раскатов летнего грома дошли, наконец, Флоберы, Достоевские и Конрады, читанные десяток лет назад. Написав «Шум и ярость», я научился читать — и бросил чтение, с той поры не прочтя уже ничего.

И с той поры не научился уже, кажется, ничему. Во время работы над «Святылищем», следующим после «Шума и ярости» романом, то во мне, что училось в процессе писания и что, быть может, как раз и является силой, толкающей писателя на труд и муки сочинения и на черную работу занесения на бумагу семидесяти пяти или ста тысяч слов,— эта часть моего «я» была отрешена, все еще занята усвоением книг, которые я проглотил не разжевав десять или больше лет тому назад. Работа над «Святылищем» дала мне лишь осознание нехватки — нехватки чего-то такого, что от «Шума и ярости» я получал, а от «Святылища» не получил. Начиная роман «Когда я умирала», я понимал уже, чего мне не хватает, и знал, что и на этот раз не обрету, поскольку роман мой будет книгой «преднамеренной», ибо я вознамерился создать тур-де-форс¹. Не коснувшись еще пером бумаги, не написав еще первого слова, я уже знал, каким будет слово последнее, почти что знал, где именно поставлю точку. Еще до начала я сказал себе, что это будет книга, на которую — уж коль на то пойдет — я смогу сделать свою ставку умельца, даже если не возьму больше никогда в руки пера. И, кончив ее, я испытал холодное удовлетворение, как и ожидал; но, как и ожидал тоже, не ощутил того, что дал мне «Шум и ярость», — отсутствовало чувство, четкое и осязаемое, но зыбко уходящее от передачи словом, тот восторг, та пылкая и радостная вера и предвкушение удивительных вещей, которые наверняка кроются в чистом листе под пером и, внезапные, нетронутые, ждут освобожденья. Роман «Когда я умирала» не дал мне такого ощущения. Я подумал: это потому, что, не начав еще писать книгу, я уже слишком много знал о ней. Я подумал: вряд ли когда-нибудь опять придется знать насквозь всю книгу еще до написания — и, стало быть, в следующий раз ощущение вернется. Переждав почти два года, я приступил к «Свету в августе», из всего романа видя лишь одно: как молодая женщина, беременная, идет дальней и чужой проселочной дорогой. Теперь-то, казалось, мне удастся вернуть это ощущение, поскольку о своей книге я знаю не больше, чем знал о «Шуме и ярости», когда садился за первый белый лист.

Оно не вернулось. Росло число написанных страниц. Повествование успешно развивалось; каждое утро я принимался за работу без неохоты, но по-прежнему без того предвкушения той радости, которые одни только и превращают для меня писательский труд в наслаждение. И только почти закончив книгу, я понял: бывшее ощущение не возникнет, ибо теперь я опять до написания каждого слова знал, что делают мои персонажи, ибо теперь я совершал обдуманый выбор из возможностей и вероятностей их поведения, всякий раз взвешивая, меряя джеймсовской, конрадовской, бальзаковской мерой. Я понял, что слишком много прочел, что достиг той стадии, через которую непременно проходят все молодые писатели, — когда думаешь, что, учась ремеслу, заучился. Пришел экземпляр напечатанной книги, и оказалось, что мне даже не хочется взглянуть, какой обложкой снабдил ее Смит². Перед моими глазами встали эта и прочие написанные после «Шума и ярости» книги, расставленные на полке по порядку, я смотрел на корешки их маловнимательно, почти с досадой, и каждый новый титул на корешке запечатлевался все бледнее, — и наконец

¹ Здесь — образчик мастерства, высокой профессиональной техники (франц.).

² Гаррисон Смит — издатель «Света в августе».

само уже гаснущее внимание как бы сказало: «Слава богу, что никогда не понадобится открывать ни одну из них снова». Тут-то я, пожалуй, понял, почему не возник во мне былой восторг и что никогда мне не вернуть его; я понял, что, какие бы романы я в будущем ни написал, все они будут работаться без неохоты, но и без предвкушения радости, ибо в «Шум и ярость» вошло уже то, быть может единственное, что меня как писателя способно не шутя взять за душу: то, как Кэдди взбирается на грушу, чтобы взглянуть в окно на бабушкины похороны, а Квентин, Джейсон, Бенджи и негры смотрят с земли на ее испачканные сзади штанишки.

Это единственный из семи моих романов, который писался без сопутствующего чувства самопринуждения или напряженности и без последующего чувства изнеможения, облегчения или досады. Начал я его совершенно без всякого плана. Это даже не книга писалась. О том, станет ли это книгой и будет ли напечатано, я думал лишь, как бы отмахиваясь и говоря себе, что не нужно уже беспокоиться, по вкусу это будет издателям или нет. Четырьмя годами раньше я написал «Солдатскую награду». Времени отняла она немного, издана была быстро и принесла мне долларов пятьсот. Романы писать нетрудно, подумал я. Дело это малоприбыльное, но нетрудное. Я написал роман «Москиты». Писать его оказалось потрудней, и с изданием пошло медленнее, а выручка составила долларов четыреста. Я подумал, что, видимо, писать романы, быть романистом сложнее, чем мне казалось. Я написал затем «Сарториса». Писался он намного дольше и сразу же был отвергнут моим издателем. Однако в течение трех лет я, в упрямой и тускнеющей надежде, продолжал посылать его разным издательствам, желая хоть время, что ли, окупить, потраченное на работу. Надежда медленно чахла, хотя и без боли. И однажды я как бы захлопнул дверь, оставив за ней адреса всех издателей и перечни выпускаемых в свет книг. Я сказал себе: «Теперь можно писать. Теперь можно сработать себе вазу, подобную той, что старик римлянин поставил у своего изголовья и постепенно затем истер, исцеловал ее края». И я, у которого никогда не было сестры и которому суждено было лишиться дочери на первом году ее жизни,— занялся ваянием девочки, прекрасной и трагической.

Перевод с английского О. СОРОКИ

